

Еще десять лет

Статьи Дмитрия Фурмана, собранные в этой книге, охватывают период с 2000 года (его публицистические статьи 1990-х годов вошли в книгу «Наши десять лет¹»). Эти годы – период «закрепления итогов» предыдущего десятилетия. Именно так воспринимает их автор, отношение которого к сложившейся в 1990-е годы «российской системе» — резко критическое. Но его голос не вписывается в хор критикующих это десятилетие справа и слева. Он и в прежние годы не входил ни в какие команды или даже направления нашей политической публицистики, и со временем расхождение лишь усиливалось.

Как это ни парадоксально, но, будучи сторонником демократических ценностей и видя будущее России демократическим, в оценке постсоветского периода Фурман стоит ближе к «левопатриотическим» политикам и публицистам. Как и для них, для него последние десять лет – органическое продолжение ельцинской эпохи, ее неизбежный промежуточный итог. Но в остальном Фурман и наши левые (именно наши, потому что к европейским левым он относится хорошо, как и к правым) друг для друга – чужие, и общей почвы в будущем у них нет.

Но и «демократы» — не совсем свои, а скорее Фурман для них не свой уже с начала девяностых. Их оценки белевезских соглашений, разгона и расстрела парламента в 1993 году, выборов 1996 года, передачи власти от Ельцина Путину – противоположны. И, как мне кажется, их

¹ Фурман Д. Е. Наши десять лет: Политический процесс в России с 1991 по 2001 годы. – М. – СПб.: Летний сад, 2001.

психологическое состояние в путинскую эпоху тоже очень разное.

Начало этой эпохи для демократов ельцинского призыва – время пусть осторожных, но надежд. Отодвинут Примаков, ставший для них чуть ли не «призраком коммунизма», улучшение внешнеэкономической конъюнктуры создает условия для реформ, и в этом плане Путин настроен вроде бы правильно, поэтому его спецслужбистским прошлым можно пренебречь. Однако переворот на НТВ и установление контроля над электронными СМИ, вторая чеченская война, и еще больше – некоторые символические жесты Путина типа восстановления музыки советского гимна и, наконец, решающим образом, арест Ходорковского меняют картину, воспринимаются значительной частью думающей русской публики трагически, как реакционный поворот и «измена идеалам».

Ждавшие от нового столетия «продолжения развития России по демократическому пути» верили в магическую силу рынка, который «все расставит на свои места», верили в Ельцина (все-таки Путина назначил он), верили в то, что худшее (дефолт 1998 года) уже позади, и бог знает во что еще они верили, а скорее просто надеялись. Фурман ничего хорошего от послеельцинского времени не ожидал, как раньше не ожидал от ельцинского (ожидал даже несколько худшего). События, описываемые в этой книге, подтвердили логику его анализа и опровергли иллюзии его оппонентов (в основном предполагаемых, потому что спорить с Фурманом в открытой печатной полемике мало кто решается – слишком велика разница в интеллектуальных весовых категориях).

Как всякий период относительного застоя это десятилетие было не очень богато по-настоящему значительными

событиями. А мелкие события и вытесненные из политики личности быстро стираются в памяти, и сегодня вряд ли многие помнят детали, скажем, исчезновения и внезапного появления в Киеве Ивана Рыбкина, да и самого Рыбкина, человека не последнего в реальной политике 90-х годов и, по-моему, неплохого, уже подзабыли, а Николая Аксененко, о котором когда-то всерьез говорили как о возможном преемнике Ельцина, забыли напрочь. В статьях Фурмана, откликавшихся на политическую хронику нашего времени, все эти детали оживают и, как правило, работают на историческую концепцию автора.

В самом общем виде суть этой концепции состоит в том, что ни российская власть, ни общество и его самая активная часть – интеллигенция, ни то, что у нас принято называть народом, оказались не готовы к демократии как образу жизни и мышления, и все они, каждый по-своему, способствовали возникновению системы, камуфлирующей этот факт и во многом воспроизводящей модели прежней эпохи. Наша неготовность к демократии объясняется рядом причин исторического и культурного характера, и ничего особенно оригинального в ней нет. С какими-то вариациями и нюансами этот путь проходят и мучаются на нем десятки других народов, а некоторые уже его прошли и «худобедно» адаптировались к современной эпохе — лучше или хуже, живя богаче или беднее, но в рамках той нормы, которой мы еще не обрели. И не скоро обретем, если будем повторять ошибки, совершенные и давно, и сравнительно недавно, на рубеже 80-х – 90-х годов.

Писать об этом, объяснять это – нелегко, потому что говорить правду далеко не всегда «легко и приятно». Нам неприятно слышать, что с созданием нормального совре-

менного общества у нас не получилось во многом по нашей собственной вине (проще винить наших вождей или, еще проще, внешние силы), а еще неприятнее – что мы не уникальны, что происходящие у нас процессы можно понять умом, и в том числе понять, почему в освоении демократических принципов и институтов мы отстаем – ладно там от Запада или даже от Болгарии с Румынией, но и от Турции, Монголии или Индонезии. Это воспринимается болезненно, и чтобы на говорящего такие вещи не обижались, надо обладать каким-то особым языком (но это очень трудно) или, по крайней мере, убедительной логикой. Именно она и является главным оружием Фурмана.

Будучи профессиональным историком, старающимся в своих работах отделить важное от незначительного и закономерное от случайного, разобраться в том, что для разных стран является общим, а что уникальным, Дмитрий Фурман прибегает в основном к той же методологии и в своем анализе нашего времени. Поэтому его анализ может показаться беспристрастным, и во всяком случае в нем нет того обличительного, порой на грани приличий «переходящего на личности» пафоса, которым пронизаны статьи многих его коллег. Это особенно относится к личности Владимира Путина.

Наиболее яростные критики Путина самим своим гипертрофированным вниманием к этой фигуре признают его ключевое, центральное место на российской политической сцене на протяжении последних лет. Не отрицает его значения и Фурман. Но то ожесточение, которое испытывают к Путину многие пишущие о нем, кажется ему не просто чрезмерным, но и не вполне заслуженным. Путин оказался на своем месте случайно и, по мнению Фурмана, делал на нем примерно то же самое, что делали бы другие реальные

кандидаты в преемники Ельцина. Кажется, специфические черты Путина, связанные с избранной им в юности профессией, поначалу недооцениваются Фурманом, и, пожалуй, они действительно больше влияют на кадровые решения и «стилистику», чем на основной вектор движения. На этом пути Путин делает то, что он не может не делать (в том числе делает много плохого), ибо иначе – нестабильность, непредсказуемость, развал. (Мне кажется, что страх перед нестабильностью, приравнивание ее к развалу, стремление к «порядку» – очень «народная» черта в характере Путина, и люди это почувствовали почти сразу и многие его полюбили в том числе и за это).

Но если человек делает то, что от него ожидаешь, и чего он не может не делать, то никакого накала страстей в отношении к нему быть не может, и Фурман пишет о Путине в неизменно спокойной тональности. И наоборот, те, кто считает, что Путин «разочаровал» и «подвел», не могут не осуждать его с предельной горячностью и ожесточением. Эти эмоции накрывают их оценки всех действий Путина. И очень серьезной точкой расхождений между Фурманом и большинством публицистов демократического направления является отношение к решению Путина не баллотироваться в 2008 году на третий президентский срок.

Для Фурмана это неочевидное и подлежащее объяснению решение. Путин легко мог организовать всенародный призыв к третьему президентству (ради все той же стабильности) и продлевать свои полномочия, как говорится, до упора (конечно, момент этого «упора» ни он, ни кто-либо другой предсказать не могли бы, как не могли это сделать Бен Али и Мубарак). То, что он этого не сделал, Фурман объясняет нежеланием Путина становиться в один ряд с азиат-

скими президентами типа Назарбаева и Каримова (все-таки «мы – европейцы»). И, по мнению его оппонентов, переоценивает значение этого шага, тем более что в итоге получился не уход, а в лучшем случае «полууход» Путина, ставшего премьер-министром, влияние которого огромно, хотя конституция в России – президентская (видимо, и на нынешнем витке спирали конституция у нас мало что значит).

И все же Фурман считает, что с момента назначения Медведева преемником дальнейшее развитие России стало менее предсказуемым, в то время как для его оппонентов, которые среди демократически настроенной интеллигенции составляют большинство, в принципе ничего не изменилось и вообще третье президентство Путина – вопрос предreshенный. Кто прав в этом споре – рассудит время.

Так или иначе, России предстоит совершить новую попытку перехода к реальной, неимитационной демократии. Как и предыдущие, эта попытка будет вызвана сложным сочетанием факторов, среди которых некоторую роль сыграет влияние Запада. Следовательно, вопрос об отношениях России с Западом – не чисто внешнеполитический, и в этом ракурсе он интересует Д.Фурмана.

Автор считает, что по-настоящему близкие, органичные отношения могут существовать лишь между ценностно близкими государствами, в то время как между государствами, не разделяющими определенный набор демократических ценностей и не реализующими их в своей внутренней политике, таких отношений быть не может. Крайним проявлением конфликтности, неизбежно возникающей между «идейно чуждыми» друг другу странами, была холодная война. И хотя она прерывалась периодами разрядки и даже вынужденного союзничества, возвращение к ней было за-

кономерно, а сейчас, по мнению Фурмана, закономерно состояние между Россией и Западом какой-то модифицированной формы холодной войны.

Этому вполне логичному построению, на первый взгляд, противоречат многочисленные факты последнего десятилетия, когда Запад, несмотря на все вольные или невольные провокации с нашей стороны, упорно избегал конфронтации с Россией. Фурман объясняет это тем, что внешнюю политику невозможно строить лишь на идеологии и ценностях, что приходится учитывать и ряд других факторов, обычно объединяемых понятием реальной политики. Запад не хочет повторения холодной войны, он не видит в сегодняшней России влиятельных демократических сил и боится слишком активным «продвижением демократии» спровоцировать обратный результат, а заодно лишиться поддержки или хотя бы нейтральной позиции России в важных для него вопросах (Афганистан, Иран, борьба с терроризмом, нераспространение ядерного оружия и другие).

Как мне кажется, решение «коллективного Запада» (и прежде всего США) добиваться, в условиях продолжающегося дрейфа России в противоположную демократии сторону, перезагрузки, т.е. улучшения отношений с ней, было обусловлено еще одним фактором. Так же, как в начале века Запад, подобно российским демократам, хотел «дать фору» Путину, на этот раз он решил «помочь Медведеву», усматривая между двумя участниками тандема существенные различия. И если и на этот раз его ждет разочарование, то обострение или, по крайней мере охлаждение отношений с Россией вполне возможно, хотя метафора холодной войны все-таки не кажется мне в данном случае подходящей. В конце концов, отношения Запада с режимами однотипными

российскому, с Китаем – это не холодная война. Хотя (с Китаем) – и не партнерство, к которому призывают «главные теоретики» реальной политики Киссинджер и Бжезинский.

После событий в Северной Африке споры между «реалистами» и «идеалистами» во внешнеполитическом истеблишменте Запада, особенно в США, будут обостряться и вполне вероятно, что маятник качнется в сторону идеалистов. Но призывающие к этому (и конкретно – к ужесточению политики Запада в отношении России) российские демократические публицисты должны, мне кажется, понимать, что и в этом случае реальное влияние Запада будет проявляться скорее в силе примера, чем в неких внешнеполитических акциях. Брать планку демократии нам придется самим, и успех не гарантирован.

В своих научных исследованиях Дмитрий Фурман описывает опыт стран, не раз совершавших попытки прорыва к демократии и терпевших неудачу. Предсказать, когда придет успех, невозможно, и, наблюдая за событиями в той или иной стране, мы оказываемся в положении футбольного болельщика, который желает любимой команде победы и следит за счетом: он все время меняется, и, скажем, у Украины, Грузии, Молдавии, Боливии, Туниса, Египта и т.п. он разный. Каковы шансы России?

Мне кажется, что наши шансы будут зависеть от того, как мы проведем нынешний период относительного политического застоя. Он может оказаться более или менее длительным, но когда-то он закончится. И если вместо того, чтобы предаваться аморфно-негативным настроениям и скандировать уже известное, мы будем думать, «модернизировать» наше мышление, пытаться понять, почему не удалась предыдущие попытки перехода России к демократии и

как не сорвать следующую попытку, то это время не будет потерянным.

Начало прошлого века было эпохой «больших идеологий». В 1917 году Россия сделала выбор из «имеющихся в наличии» западных идеологий, и вряд ли этот выбор мог быть иным. Марксистско-ленинская идеология, застывшая и огражденная от современных влияний, оказалась нежизнеспособной, а когда она умерла, время больших идеологий уже ушло. В умах нашей интеллигенции на смену умершей идеологии пришла эклектическая каша из разнородных, часто противоречащих друг другу фрагментов на фоне полного отсутствия у подавляющего большинства людей, в том числе демократически настроенных, демократического или хотя бы «преддемократического» менталитета. К тому же мы очень плохо знали свою страну (и Запад, к которому мы обращали свои взоры, тоже практически не знали, что не удивительно). В результате ухватились за обрывки «имевшихся в наличии» западных идей и стали претворять их в жизнь со свойственным нам максимализмом: средний постсоветский экономист начала 90-х годов прошлого века (и повторявшие его тезисы читатели журнала «Огонек») стоял далеко правее Маргарет Тэтчер.

В одной из своих статей 1990-х годов с характерным названием «Перевернутый истмат» Дмитрий Фурман писал о «марксистско-ленинских» корнях популярной в начале того десятилетия идеи о том, что «рынок все расставит на свои места». Она завоевала умы людей так быстро и господствовала в них так безраздельно потому, что наш максимализм сочетается с интеллектуальной ленью, неготовностью воспринимать противоречащие нашим настроениям и последней «интеллектуальной» моде факты. Хотелось бы оши-

биться, но кажется, что в этом отношении в последние годы мало что изменилось.

Чтение статей Д.Фурмана – хорошая возможность познакомиться с иной, современной, критичной и самокритичной, принципиально открытой манерой мышления. Она понадобится нам не только для того, чтобы понять прошлое и настоящее, но и – что гораздо важнее – чтобы потом, уже в других условиях, искать решения проблем, которые проявляются уже сегодня, но будут лишь обостряться при нашем движении к нормальному обществу. Из-за страха перед этими проблемами – иногда осознанного и открыто декларируемого, но чаще подспудного – мы боимся перемен и сравнительно легко смирились с крахом надежд двадцатилетней давности. Сейчас у нас меньше надежд, снова в моде разговоры о том, что «будет только хуже», и если мы не хотим, чтобы эти слова стали самосбывающимся пророчеством, надо начинать осваивать то «новое мышление», которое будет способно породить новые, более трезвые и разумные надежды и со временем реализовать их.

П. Палажченко